

В.П.:

- Во всяком случае я понимаю так, что подразумевается правозащитное движение тех людей, которые с чьей-то лёгкой руки называются диссидентами. Мы в нём не участвовали, я и мои подельники. Мы не участвовали в этом организованном движении, мы шли самостоятельно, имея информацию только ту, которую мы могли получить из зарубежных радиостанций. Кое-что попадалось, но это не было так, как другие люди... вплоть до того, что целые диссидентские династии были, все друг друга знали, кто чем занимается конкретно, даже какую-то литературу готовили, даже Фонд Помощи, который завалил Репин. Это была уже какая-то структура, так или иначе, пусть она занималась даже самыми безобидными вещами с точки зрения здравого смысла, но это уже была какая-то структура, всё равно. А мы были просто группа каких-то юнцов, правда всем уже за двадцать лет было, которые думали, что лучше всё-таки что-то делать, чем мириться с тем, что есть, настолько это было абсурдно, то есть, это даже не требовало доказательства

- А что Вам больше всего не нравилось?

В.П. - Лучше спросите, что нравилось. Потому что не нравилось практически всё, потому что одна из листовок, они это на следствии это квалифицировали как листовки, а на самом деле это было что-то типа программного документа о том, что за годы советской власти существующее правительство довело страну до нищеты. О том, что это преступники у власти, о том, что это просто банда уголовников. И нужно бороться всеми доступными средствами. И подразумевалась, что эта борьба может включать в себя абсолютно все элементы, вплоть до насилистенных каких-то методов. Мы исходили из того, что даже в "Новом завете" Христос изгонял кнутом, из Храма. То есть, он применял силу, а здесь сидит банда уголовников, банда безбожников, которые попирают здравый людской смысл.

- А Вы были верующим тогда?

В.П. - В общем-то да.

- А когда у Вас начали появляться такие мысли впервые?

В.П. - Лет в пятнадцать. В пятнадцать-шестнадцать. Можно сказать, что раньше, но неосознанно. Любому человеку что-то нравится, что-то не нравится в любой системе политической, но то, что отождествляешь, что они это зло, а ты от них пытаешься абстрагироваться, это примерно с этого возраста. Мне ещё восемнадцати лет не было, я ходил пешком в Польшу.

- Да? С какой целью?

В.П. - Тогда начала проявляться "Солидарность", эти группы, мне хотелось с ними вступить в контакт.

- Как Вам удалось пересечь границу?

В.П. - Не знаю, как удалось, это было каким-то экспромтом внезапно, когда... Я ходил весь день, мучился, когда хочется куда-то бежать, куда-то нестись. Знаешь непосредственно, куда тебе надо, но не знаешь, как это сделать.

- А по какому маршруту?

В.П. - Доехал до Львова, там посмотрел карту, доехал до деревни Краковец, это непосредственная граница с Польшей. Погулял по деревне немножко, там граница метров 500, прямо вот она, несколько метров колючей проволоки. Два-три метра, колючая путанка. Подождал, когда немного стемнеет, и восьми часов не было, метров двести-триста до заставы было, это был ноябрь месяц. Смотрю, стоят там наверху, разговаривают. Без труда преодолел всё это, это экспромтом было.

- А Вы не проверяли проволоку этой отверткой?

В.П. - А, да нет. Мне даже в голову не пришло, что там может быть пропущен какой-то ток. Я просто знал, что мне нужно идти, меня уже ничто не могло удержать. Каких-то соображений, что, может быть, стрелять будут, их просто не было.

- Перелезли, а потом что?

В.П. - Перелез, а потом лёгкой трусцой побежал в сторону Польши.

Уже стемнело, я из кустов выбегаю, смотрю, передо мной сторожевая башня. С польской стороны. И пустая, никого на ней нет. Я понял так, что с той стороны я видел, где находится посёлок, я свернул, через какое-то болото занесло, и побежал. И так - никого я не нашёл, немного погулял... и обратно. Хотели там сначала оставить.

- В какой город Вы стремились?

В.П. - В Перемышль, да, Пшемысл. Я тогда уже для этого дела язык неплохо выучил. То есть, я это для чего говорю, что уже тогда я считал, что это мои враги. К восемнадцати годам я уже мог на многое пойти, чтобы свести счёты.

- А Вы хотели остаться, или набраться опыта и обратно?

В.П. - Вы знаете, у меня были цели гораздо более далеко идущие. Что я как-то связалась с этими организационными группами. Я, конечно, не имел никаких конкретных планов, как я их буду искать. Это всё экспромтом, не очень-то серьёзно естественно. Я предполагал, что смогу пешком дойти где-нибудь до ФРГ. В общем-то, я был настроен довольно решительно. Я считал так, что буду ориентироваться по ситуации, потому что загадывать в таких событиях, это почти что бессмысленно. Когда не знаешь, пристрелят тебя, не пристрелят, овчарку на тебя спустили, что-то ещё... Бог поможет.

- А каким образом Вас заловили там?

В.П. - Я захотел очень воды, пить, я уже умирал. Я прошёл километров сорок за ночь и был всё уже, аут. Там было такое предприятие, и типа гаражей. Я зашёл туда, какой-то там стоит хромой дед, и здоровенный, здоровенный яцек какой-то. Наготове стоит совсем. Я зашёл, попросил воды. Они так обрадовались, говорят: заходи, заходи. Я зашёл. Дали мне чай горячего. Потом этот яцек куда-то молча уходит, а хромой дед говорит: "тебя тут уже ищут". Оказывается, пограничники прошерстили уже все сёла. Видно, что следы через границу, там же КСП.

Это же ЧП, что перешёл в восемь вечера и они не поймали. Жутко были удивлены, нагрянула целая орава их, человек двадцать и все с автоматами. Жутко были удивлены. Стоит мальчишка, семнадцать лет. Стоит. Они опешили. Говорят: "ты один? Может быть, ты кого-нибудь на себе нёс. Вот на этом. Они меня уже оттуда не выпустили, остальные минут через пятнадцать подъехали. Но меня не судили. Месяц меня продержали во Львове, КГБ всё искало, не по заданию ли я кого-либо переходил границу, куда-то что-то передать, или ещё что-нибудь. Когда ничего они не нашли, они решили тогда меня передать на поруки, училищу, коллективу, где я учился.

- Допрашивали?

В.П. - Ну, а как же, как же? Месяц они меня допрашивали.

- Вы сразу после школы туда отправились?

В.П. - Это был второй или третий курс музыкального училища. Я после школы пошёл в музыкальное училище.

- Скажите пожалуйста, когда, где Вы родились и как училище называлось, это надо для словаря.

В.П. - Родился 22 ноября 1959 года, в Житомирской области на Украине, умер не знаю ещё, когда... Учился в Житомирском музыкальном училище.

- Какие у Вас были отношения со структурами комсомольскими, пионерскими.

В.П. - В пионерах я конечно был. А как же. Всему этому я сейчас смотрю, что не придавался какой-то смысл. То же самое, что с утра просыпаешься и само собой разумеется, что надо принять душ. Как-то это уже принято. А тут ты должен быть пионером. Все пионеры, значит, так надо. А в 13 лет в Комсомол приняли. Комсомол и комсомол, высчитывают у тебя со стипендии взносы и больше ты ничего не знаешь.

- Это для Вас значения не имело?

В.П. - Если какие-то вкладывать идеи, силы, нет. Но может быть не было ещё такого жестокого неприятия. Вот Ленин есть. Говорят, что он гениален, значит, он гениален. Другое дело, что в лагере с одним человеком пришлось общаться. Марксист, с толком марксист.

- Как его звали?

В.П. - Яшкунас Генрих. Он с особого режима пришёл, у него уже второй срок был. И мне пришлось какие-то тома Ленина просматривать, самые одиозные, типа 36-го, 45-го. Прочитал, некоторые статьи даже пришлось особо внимательно читать. Понимаешь, что это если не психический был человек, то отродье сатаны просто-напросто. Нормальный человек, тем более интеллигент... он не мог быть просто нормальным человеком. Но это уже потом было, когда я сам через всё это прошёл.

- А после этой Польши что Вы решили делать?

В.П. - После этой Польши? Видите ли, мысли разные были. Какая-то подавленность от того, что всё-таки не удалось. Причём, наверное, если бы готовился серьёзно, то 99 %, что удалось бы всё. И по своей неосторожности, неопытности, наивности я попался. И длительное время подавленность просто была. Кое-как, не кое-как, а нормально я закончил училище, взял свободный диплом и поехал на Дальний Восток. Больше мне там просто не хотелось оставаться, хотелось побродить по свету. Месяц я строил БАМ, потому что денег не было и надо было заработать. Это после Тайшета, туда, по братской ветке. БАМ строил, потом из Хабаровска пришёл запрос из отдела культуры. Я вылетел туда и меня направили аж к Татарскому заливу, порт Мага. Туда заходили иностранные суда, там заходили иностранные суда, загружались лесом. Там я работал год в музыкальной школе.

- Преподавателем фортепиано?

В.П. - Да. И в интерклубе я работал. Я тогда изучал английский немножко, стажировался в интерклубе. Потом меня забрали в армию, в Хабаровске, даже рядышком с Хабаровском, там прослужил два года в военном оркестре, на большее меня не пустили. Потом пытался поступать в Москву, в Патриса Лумумбы университет, сдал экзамены. А в этот университет, также, как в некоторые другие идёт рекомендация из политотдела. Мне пришла такая рекомендация, что мне сказали, что "таких негодяев, как ты на пушечный выстрел нельзя допускать вообще". Вот. В общем, всякие разные перипитии.

- Вы негодяи были из-за Польши, или и ещё из-за чего-нибудь?

В.П. - Да, из-за Польши. А этого ведь и достаточно. Люди гораздо за меньшее, за какую-то книгу попадали на заметку КГБ и за ними этот шлейф тянулся уже всю жизнь. Следствие вело КГБ, ходило чёрт знает, где. Это уже был враг. Интересно, что у нас был преподаватель, которого я очень уважал, профессионал настоящий был. Я ходил в то время в клетчатом костюме, у меня костюм такой был. А после Польши меня этот преподаватель стал называть то "денди английским", то "эмигрантом", вкладывал двоякий смысл, вроде как с презрением - "а, он не наш". То есть, это был уже отрезанный ломоть, скажем так, от простых советских парней и девушек.

- А насчёт "парней и девушек", у Вас был круг каких-то единомышленников, или Вы потому и искали, что его не было?

В.П. - Был, может быть, один человек, с которым я откровенно разговаривал обо всём, а остальные - на уровне анекдотов, как все в то время. Все анекдоты рассказывали и не укладывали какой-то конкретный смысл, что говорят об этом плохо, значит он мерзавец. Просто это смешно было, просто, чтобы посмеяться, анекдот рассказать. И главное - никакого политического смысла. А один человек был - да. Мы с ним много разговаривали, он был мой друг, когда я сидел во Львове, он ко мне приезжал. Но, к сожалению, когда меня здесь поса-

дили, он уже действительно испугался и отошёл.

- А до того он с Вами был, в организации состоял?

В.П. - Да, да.

- А в армии как было?

В.П. - В армии были такие вещи, которым я по сути не придавал значения. Ни разу меня не отпускали в отпуск, хотя и причины были отпускать. Меня в запас не отпускали, в увольнение до тех пор, пока на втором году службы я не стал старшим инструктором. Там, допустим, на вождение ходили, в стрелковый полк на танки. Там что-то странное, там чуть ли не командир батальона прибежал, стал меня прогонять оттуда. А потом уже всплыло, что оттуда пришло, со службы, что я чуть ли не проявлял интерес к военной технике, что я пытался как-то собирать сведения. То, что было вообще бредом, оказывается, что люди работали, собирали сведения обо мне. Ещё интересно, что мы играли в доме офицеров в гарнизоне, играли танцы и концерты готовили. У меня опыт был - лет восемь. Я как поступил в училище, так то в Филармонии играл, то в доме офицеров. Там был один из Херсона парнишка, Валера Орлов. Под конец службы, уже не сегодня-завтра мы увольняемся, он мне говорит: "А ты знаешь, что у меня было задание особого отдела за тобой следить, собирать сведения?" На что я ему ~~находу~~, соображая, говорю, "Конечно, знаю". Он совершенно в трансе говорит: "Неужели ты на них тоже работал?" - !Я говорю: "Нет, не работал, но я просто знал". А был прaporщик такой у нас, великолепный такой мужик, бесподобный. Немного забулдыга, но честный... Можно было положиться на него абсолютно во всём. Не знаю, знал ли он о моём прошлом, не знал ли, я во всяком случае ничего никому не говорил, но он мне говорил о нём: "будь с ним осторожней, он постоянно тусуется возле особыста". Вот если бы я чем-то занимался, допустим, те же сведения собирал,

я может быть и осторожничал бы, а мне так было что - ну, тусуется, так тусуется. Его это проблемы. Тем не менее этот прапорщик мой оказался прав. Но это не было неожиданно: ах, предатель! Нет. Каждый как мог, так и выживал там, исходя из воспитания, из личности и совести. Он оказался таким. И он хотел идти учиться на внештатника, сотрудника КГБ. Насколько мне известно, при них годичная какая-то школа, потом они идут на производство и там внештатниками работают, стукачами. Каждому что хочется, тот на то и учится. А что было с ним потом, я не знаю, мы с ним отношения не поддерживали. Ну, вот, а потом после всех этих периптий, познакомился с несколькими интересными ребятами, один из лесотехнической академии, в Питере.

- Вы приехали в Ленинград после армии?

В.П. - Да. Из Университета несколько ребят. В Петрозаводске Левиаш такой, здесь Полиектов Витя, он вообще из Череповца, а сейчас он здесь, в Универе учится. Одна девочка, в статистическом бюро работала, один военный был. Всё, что мы успели делать, это всякие бумаги писать.

- У вас была как организация, да?

В.П. - Да, молодёжная организация.

- Кто был главным?

В.П. - Я был паровозом, меня и пустили как паровоза. Шесть и четыре дали. Четыре и два дали Вите Полиектову, ^{ЛЕВИАША} в психушку отправили. Павел Косолапков вообще оказался стукачом, он спрыгнул.

- Как спрыгнул?

В.П. - Он был секретарём до недавнего времени череповецкого горкома комсомола. Год назад в "Мониторе" я говорил, что этот человек нас предал и сказал, что он Вологодского горкома. Тут же последовал звонок из Московского горкома комсомола в Вологодский, что это у

Вас за стукач работает. А он очень обидился. Он не слышал, но ему передали. Он приехал сюда в Питер, встретился со мной, хотя за три года ни разу не проявился, не подал голоса. Всё-таки, подельник вышел из зоны, вспомнить, что, как. Он говорит: я на тебя в суд подам. Я говорю: конечно, подавай, я даже юриста тебе хорошего найду, чтобы ты выиграл процесс. Ходили, ходили. "Ладно, я не буду в суд подавать, но я хочу выступить по телевизору." Ну конечно, я уже договорился с Фонарёвым, дал его телефон. Потом его спрашиваю: он так и не позвонил. А то бы выступил с опровержением. То есть, он приехал и ни с чем уехал. Он спрашивает: "на основании чего ты утверждаешь, что я стукач". А дело в том, что по 201 статье, когда ты закрываешь дело, ты знакомишься со всеми материалами, со всеми показаниями, кто на тебя что говорил. Потом подписываешь дело, и потом уже обвинительное заключение предъявляют. И по материалам очень чётко всё прослеживается. Там следователь был такой Грошев, старший следователь по особо важным делам, подполковник, что меня удивило, потому что из КГБ следователь по особо важным делам. Какое же это особо важное дело? Этот Грошев тогда сказал, что "вы ведёте себя неправильно, вот есть у вас пример Косолапкова, если бы с нами сотрудничали, то ваша участь не так бы была сложна". И там масса других материалов о том, что я призывал непосредственно к террору, причём к немедленному проведению террора. У нас была очная ставка с ним и я начал говорить ему: ты лжёшь. Но на него там давили конечно, угрожали, что тоже посадят, его тоже понять можно.

- Он пришёл в организацию, чтобы стучать?

В.П. - Нет, его потом прихватили, прихватили каким образом - Витя Полиектов написал письмо, он как раз в армии, в Мурманск служил, что ли. Это было письмо специфического характера, вроде как там программные моменты были. Это письмо не дошло, оно было на адрес

Косолапкова написано, он жил в общежитии. Оно просто не дошло, пропало и всё. А потом он говорил: "Меня вызывали в КГБ". Потом неделю его не было, потом приходит и молчит об этом. Тоже ведь, страшно за него. Он говорит: "Знаешь, пришёл, там никого нет, секретарь сказал, что когда надо будет, меня ещё вызовут, а раз никого нет, значит не надо". И больше никаких контактов. Это естественно, чушь. Его вызвали, наверное, там запугали и дальше всё, что мы делали, он уже потихонечку всё туда постукивал.

- Вы же подозревали, что это ерунда то, что он сказал про КГБ? И Всё равно продолжали с ним иметь дело?

В.П. - Подозревал, но не настолько, чтобы совсем не доверять. Я тогда ~~и~~ больше людям доверял всё-таки. Это сейчас я бы несколько ~~и~~ раз перестраховался бы. Я считал, что мы не делали ещё ничего такого, чтобы можно было бы приходить, руки в гору и нас за решётку. И даже если они за нами следят, ~~и~~ но ещё пройдёт много времени прежде, чем они посчитают нас опасными. Ну подумаешь, написали программу, где называем их бандитами и преступниками, вплоть до того, что - до вооружённой борьбы. Ну мало ли что мы можем написать. Тем не менее, они так не посчитали. Когда они решили, что мы зашли уже слишком далеко - всё.

- А что было в программе, какие были конечные цели?

В.П. - Вы знаете, чтобы не перечислять, что было, это всё то, что сейчас говорят: приватизация, частный ~~и~~ сектор, собственность на землю. То, что сейчас говорят, как ругают. Что коммунистическая партия - преступники. Всё то же самое. Только что восемь лет прошло.

- А у вас была программа экономическая и политическая, или всё это было в одном документе?

В.П. - Было так. У нас была политическая программа, причём была программа-максимум и программа-минимум. Программа минимум - то, что при невозможности вооружённой борьбы мы должны максимально развивать

агитацию и пропаганду наших взглядов, составлять статистические сведения, по действительном положении в экономике, в сельском хозяйстве. С этими материалами я пытался выйти на эмигрантов, на дипломатов. Вот эта девочка из Статбюро...

- Как её звали?

В.П. - Её звали Ира Страшкевич. Она, конечно, потом сразу отошла, это неприятная ситуация, конечно. Мы, конечно, насаждали своих людей на всех уровнях, где только можно, предполагая, что это на долгие годы. Университеты, институты, студенчество, предполагая, что рано или поздно эти люди займут какое-то место в иерархии, структурах советской власти.

- Вы как большевики занимались агитацией?

В.П. - Да, примерно так. А программа-максимум, это, естественно, вплоть до ~~программа~~-вооружённой борьбы, вооружённого восстания. Это было так, размыто, без какой-то конкретики, предполагалось, что... Где-то сейчас прошла информация. В Югославии... нет, в Чечено-Ингушетии о том, что там какие-то пятёрки. А, в НТС была такая молекулярная структура. По всей стране раскиданы пятёрки вооружённые, которые никого не знают, кроме своего командира. Если накрывается пятёрка, значит, только это звено погибает, остальные все живут. Вот приблизительно так. Я тогда был не знаком с этой программой НТС, но вот такая же аналогичная была задумка.

- А у вас были свои люди в других городах?

В.П. - Нет, ещё ничего не было. Мы были полны энтузиазма. Под танки готовы были идти, надо было только встать для зарождения.

- Как Вы относились к Марксу, к марксизму?

В.П. - Я никак не относился, кроме того, что всё коммунистическое было мне враждебно. Я просто тогда не знал Маркса. То, что тогда было по программе, то, что мы в училище проходили, это я, допустим, знал, но это отвергал. Но это не было логичное неприятие. Не мысленно по той, по той причине. Потому что одни теории подтверждают-

ся жизнью, а это абсурд. Нет. Просто это было враждебно, потому что я живу в этой стране и я вижу, к чему это привело. То есть, никакого Маркса, Ленина, никакого Энгельса для меня не было.

- Какие в Вашей семье были взгляды? Коммунистические? Как они относились в вашей деятельности?

В.П. - Они не знали ничего. То есть, они предполагали, конечно, какие-то разговоры были, но я не говорил о том, что я где-то что-то пытаюсь сделать. С некоторыми людьми разговоры были. Я очень болезненно реагировал на то, когда заводишь разговоры о том, что нужно что-то менять. Люди говорили: осточертело уже, все это по кухням говорят. Хоть кто бы что сделал. И тем не менее я не мог говорить, что кто-то что-то делает, это меня убивало.

- А как Ваши родители относились к окружающей действительности? У Вас на кухне это обсуждали?

В.П. - На самом бытовом уровне, как все обсуждали. Я думаю, что они были скорее всего индифферентные люди. Было какое-то неприятие чего-то, так это на бытовом уровне. Того нет, того не достать. Да надо платить, чтобы достать. Приблизительно вот так. Не было политического неприятия как системы. То есть, я не наследственный такой борец, я сам по себе.

- А у Вас в семье никто не был репрессирован?

В.П. - У меня деда раскулачили в своё время, но его никуда не ссылали. У него здоровенная мельница была, скота много. У него просто отобрали всё это в колхоз, да и всё. То есть, у меня не было личных обид, какого-то мщения. Вот он, бык этот передо мной. Вот разъярённый бык, его надо убивать. Ничего больше.

- А идеологом в группе Вы были?

В.П. - Не знаю. Но во всяком случае, Косолапков в своих показаниях написал о том, что он не мог мне сопротивляться, потому что я на него оказал гипнотическое влияние. Когда он приехал в прошлом году, я у него спросил, со смешком. Как насчёт этого гипнотического

влияния, что ты был как лягушка перед удавом. "Ты хоть скажи, в чём это проявлялось, чтобы я знал свои возможности, как я на тебя могу действовать." Он говорит: "я не знаю, я не смел языком повернуть, я не мог сказать тебе ни слова против". Хотя у нас не было такого, чтобы кто-то кого-то заставлял что-то делать. Мы были наравных, мне казалось, во всяком случае, что мы были наравных. Все имели равные права предлагать свои варианты.

- А как происходили собрания группы? Что вы на них делали?

В.П. - Немножко не так, как в кино показывают, что приходят большевики, все садятся в круг, кепка в руке, начинает провозглашать. Садились, пили кофе. Сначала была такая разминочка интеллектуальная. Говорили что-то, брали какие-то случаи, обсуждали. А потом каждый свои решения предлагал, что в таких случаях можно делать. Допустим, очередные сводки. На самом деле мы знали, что всё не так. Что надо брать статотчёты, собирать и выдавать действительную статотчёты.

- Выдавать самиздатовским путём?

В.П. - Для этого я купил машинку.

- Вот эту? /Имеется в виду п/м в комнате/

В.П. - Нет, ту конфисковали давным-давно. В качестве вещественного доказательства орудия преступления.

- А Вы вели протоколы своих заседаний?

В.П. - Нет... А у меня ведь кроме 70-й статьи есть ещё две: 218 и 326-2. Оружие, взрывчатые предметы и отправляющие вещества.

- Терроризм? А что было за оружие?

В.П. - Был такой вот кусочек гексагена. А отправляющие вещества, это был слезоточивый газ в баллоне.

- Откуда это было у Вас?

В.П. - Это самодельный. Был флакон из-под французского одеколона, там был слезоточивый газ. Это делали ребята в Университете.

- С химфака?

В.П. - Да, с химфака. Вот этот Левиаш, который потом пошёл в дурку.

- Что это за странная фамилия, Левиаш?

В.П. - Венгерская. А как его звали, я не помню, мы очень мало были знакомы. Видите ли, у них была своя тусовочка в Университете, особенно на химическом факультете и они считали себя последователями Гитлера, начитались Ницше. И когда Левиаш увидел меня, он решил, что я больше всего подходил на роль фюрера. У Ницше там есть "белокурая Бестия" и я для них очень подходил, поэтому они стали меня очень опекать. А я стал им подыгрывать, исходя из того, что может быть, придётся когда-нибудь мне этих ребят использовать.

- А Вы знали, что Вас готовят на роль фюрера?

В.П. - Мне говорил Левиаш об этом, что я идеально подхожу своим качествами: волевой, стойкий, беспощадный. Вот. А потом на суде и на следствии мне пытались пришить, что я чуть ли не фашист. Обсуждали теорию социал-дарвинизма, это тоже лишнее доказательство, что я фашист. А социал-дарвинизм, это естественный отбор в природе, что происходит среди животных, то должно происходить и среди людей. Приблизительно так.

- Вы обсуждали это с какой стороны?

В.П. - Точно также мы могли обсуждать и коммунизм, и фашизм, и Томаса Морра. Это теория, а нам интересно. И вот мы все начинаем изголяться над этой теорией, кто как может, кто что сообразит. - С этой стороны нельзя подходить, с этой можно, это абсурд, а это интересно. Почему нет? Но тем не менее, поскольку показания были даны о том, что обсуждалась эта теория, значит, следует фашистская направленность. Но это, правда, на суде прошло мельком. Тогда Катукова была у меня обвинителем... А Исакова меня судила.

/Перерыв в записи/   На чём мы остановились?

- На группе с химфака. Скажите, а Вы сами как к Гитлеру относились?

В.П. - К Гитлеру, надо отдать должное, я относился отрицательно. Весьма отрицательно, причём. Наверное, по воспитанию. У меня вое-вал дед один и дед другой. У меня были деды очень заслуженные в этом плане. И я был воспитан так, что фашизм это крайне плохо. Дру-гое дело - чем коммунизм лучше фашизма, только звучит иначе. Тогда такая параллель ещё не проводилась. Гитлер это было плохо. Но раз для дела было надо быть фюрером, я был готов побить фюрером.

- Чтобы привлечь побольше народу?

обратить

В.П. - Да, да, и чтобы потом их попробовать ~~привлечь~~ в свою веру.

- Это что-то большевистское.

В.П. - Да, да. Наверное, нельзя судить - большевистское - не боль-шевистское. Просто есть какие-то принятые формы борьбы. Есть са-мые оптимальные варианты и ими могут воспользоваться как фашисты, так и большевики, так и какие-то террористы. Потому что это удоб-ная форма борьбы. Как ты будешь привлекать людей для своей органи-зации? Ну как? Ты же не можешь говорить: ребята, пойдём, давайте бороться с этой властью. В лучшем случае пошлют, а в худшем - сда-дут тут же на месте. Значит что - нужно искать людей, которые про-явились в чём-то, которые недовольны и это недовольство уже как-то организовывают. Они хотят быть коммунистами или монархистами...

Но у нас на данный момент один враг, и он перед нами. Коммунисты. А потом, когда разберёмся с ними, тогда разберёмся и между собой. Ну вот, это на тот момент так.

- Вы обсуждали, обо всём говорили, а потом оформляли всё это на машинке в виде документа?

В.П. - Да, приблизительно. Потом, конечно, на обыске это всё заб-рали. Подшили.

- Ничего не сохранилось?

В.П. - Нет, к сожалению. Архивы откроют, будет всё очень хорошо. Самое приятное то, что то, что говорят самые радикальные, счита-ется, наши реформаторы, мы говорили ещё в 1984 году. А тогда мы

были самая поганая часть общества, потому что мы были антисоветчики. Мы просто сделали свою работу."Мавр сделал своё дело, мавр должен уйти". И мы ушли. А сейчас то, что мы говорили, то же и повторяют.

- Вы считаете, что вложили свою лепту в перестройку?

В.П. - Несомненно. Перестройка, это уже стало одиозно. То, что произошло, конечно, вне всякого сомнения. Не надо забывать о том, что Рейган ставил это первым условием, с начала своего правления, с 1981 года. Освобождение всех политических заключённых. Из-за чего Советский Союз был империей зла - именно из-за этого. Он ещё в 1981 году заявил, что ни один договор с Советами не будет подписан, пока не будут освобождены политзаключённые. Не было бы нас в лагерях, может быть, и не такое слово было бы использовано. Так что конечно сыграли какую-то роль. Конечно, нельзя переоценивать своё участие в этом ни в коем случае, но Сталин говорил, что винтики в машине... Мы сыграли роль винтиков, в той машине, которая в конце концов раздавила всё-таки систему. Естественно, нельзя недооценивать влияние того разложения, которое этими процессами было посеяно в умах людей. Которые пускай его даже не высказывали, но где-то оно проявлялось. В каких-то бытовых поступках, может быть. И когда чуть-чуть освободили, всё это и хлынуло. И всё-таки, было уже какое-то общественное мнение как-то подготовлено к этому. На первом году лагеря меня очень мучила мысль - у меня был срок долгий, шесть + четыре, 4 ссылки, я расчитывал, что выйду в 1994 году и была такая мысль: не будет ли мне стыдно смотреть в глаза людям. На зоне всё-таки сидел. У нас как относились: вышел - тюремщик, з/к. А потом я понял, что нет, ни в коем случае мне не будет стыдно. Наоборот, нужно гордиться, что ты пошёл этим путём.

- А Вы какой-нибудь из ваших документов не помните, не можете изложить содержание? Самого главного, что ли... У вас их много было?

В.П. - У нас их немного было, в основном по политической борьбе. Программа-максимум, программа-минимум, я, наверное, основные положения сказал, трудно так сразу. Сколько раз со мной уже говорили, интервью и всё прочее, всех интересует два момента: почему я не ходатайствую о реабилитации...

- Вы не реабилитированы?

В.П. - Нет, я принципиальный противник. Сразу поясню, почему. Вот люди, которые были судимы за то, что они распространяли книги, они могут себя считать невиновными. Я себя таковым считать не могу. Действительно, стремился как-то к уничтожению существующего строя. С их точки зрения я, конечно, виноват. И со своей точки зрения я не хочу получить отпущения грехов от той власти, против которой я естественным образом боролся. ^{Это мне не надо абсолютно.} Конечно, пока останутся у власти самые мельчайшие структуры, связанные с прошлым, естественно, мы будем враги до тех пор. А естественным образом, если придут другие люди демократического настроения, мы тогда уже врагами не будем, потому что одно и то же, хотя и другими методами я хотел этого достичь, но тоже такие люди пришли к власти. И второе - о вооружённой борьбе, что кровь всегда приносила кровь. В общем-то да. Тогда исходил и сейчас исхожу из того... Одна дама, журналист говорила "сейчас бы Вы стали бороться?" Нет, сейчас бессмысленно бороться, надо исходить из того, что ситуация изменилась.

- А Вы довольны сейчас ситуацией политической?

В.П. - Нет, я сейчас замечаю за собой, что я наоборот становлюсь реакционером. То, что сейчас происходит, для меня это ужасно. Что в политике, что в экономике, даже больше в политике, чем в экономике. Да, так о вооружённой борьбе. Я тогда так считал и сейчас так же считаю. Представьте себе, будет какой-то преступник убивать вашего друга. Вы его будете просить этого не делать, а он будет

всё равно резать другого вашего друга, понимаете? Вы будете убеждать его, что так нехорошо, будете ему заповеди божьи говорить, а он всё равно будет убивать. И до тех пор, пока Вы не возьмёте палку и не стукнете его по голове, до тех пор он будет убивать. Потому что он преступник. И точно также та власть, у которой открылись секретные счета миллиардные, валютные, всякие. Мы интуитивно чувствовали, что это так. Мы же тогда знали, что это ограбление идёт, что нас до состояния скотов низводят, что всякими книжками и всем этим не поможешь. И поэтому теоретически должен был, мог наступить такой момент, когда нужно было бы к этой власти и силу употребить.

СТОРОНА 2

..... из военного округа о том, что он реабилитирован.

- А он запрашивал?

с этим делом боролся.

В.П. - Да, запрашивал. Три года. Он посидел буквально чуть-чуть, а потом его отправили в психушку, потом он выходил уже на свободу из нашей, по-моему, Арсеналки.

- Почему Вам прописку не давали, что это за история как Вы ездили в Москву?

В.П. - Нет, в Москву я ездил просить КГБ, чтобы меня опять арестовали. /Перерыв в записи/

Приехал, меня не хотят прописывать, говорят, пока не устроюсь на работу. Я пошёл на работу, искал где только можно, а они говорят: "как же мы без прописки Вас устроим?" Я так походил, походил, потом обиделся, дал телеграмму в КВС, что если немедленно прописку не предоставят, значит, я объявлю бессрочную голодовку. Благо опыт уже был в этом деле. Дня через три из паспортного стола позвонили, сказали: "придите, заберите". Это длилось всё, правда, месяц целый, искал, всё это на нервах было.

А в Москву я ездил по другому поводу. Когда мне было первое приглашение из МОПЧа поехать туда на конференцию ежегодную. Я пришёл в ОВИР, а они говорят: "Вы эмигрируйте, мы Вас выпустим тогда". Я говорю: "на основании чего?" - "На основании п.25-а "осведомлённость о государственных тайнах (чего у меня никогда не было), либо другие причины, могущие нанести ущерб государственной безопасности". Я как раз был носителем тех "других причин" и представлял угрозу государственной безопасности. Через полгода - точно тот же ответ: "эмигрируйте, тогда мы Вас выпустим". В результате я приехал в Москву, пришёл в управление и сказал, что требую, чтобы меня опять арестовали. Они сказали: "На основании чего?" - "На основании того, что я представляю угрозу государственной безопасности"^{"Каким образом?"} ~~не~~ Я не знаю, каким, решайте сами, почему вы меня не выпускаете!" Они отослали меня в МВД.

- Это в каком году?

В.П. - Это 1988, наверное, был. Я пошёл в МВД, а в МВД меня посылают в ОВИР союзный. Принимает меня сам Кузнецов. /Вздыхает/ Услышал мою фамилию и там где-то в течение пяти минут моё дело взялось. Говорит: "Сейчас будем Ваше дело пересматривать, наверное, мы Вас выпустим". Я там обозвал их по всякому, типа бандиты, преступники, скоро вас всех раскулачат. Это на них произвело совершенно шоковое впечатление. Обычно люди приходят туда, просят: "Позвольте, позвольте". Наверное, с ними никто так не разговаривал. А тут "негодяи, мерзавцы". Приезжаю сюда, в Питер. Недели через две приходит ответ: отказать. Всё-таки, отказать. И уже в 1990 году после этого очередные статьи пошли мерзкие в газетах. Но только последнюю статью ~~погром~~ мне посвятили полностью, а обычно так: Рыбакову поддают, Евдокимова припрягают. Нас была такая троица, мы обычно шли по этим статьям все вместе. Мы с ними были в МОПЧе. Из-за этого МОПЧа

были статьи "Начинает и проигрывает" и другие. И наша тройка там постоянно фигурировала и иногда кто-то ещё впрыгался - Терехов, Подольцева. В 1990 году меня выпустили за границу в первый раз. Когда я приехал, тут эта статья в "На страже Родины". Тут ходил один солдатик ко мне одно время, он с ДСом был связан. Я ему давал всякие книжки читать. Девяностый год уже всё-таки, мама мия, всё уже, а у меня была богатая коллекция литературы самиздатовской. Он мне говорит: "я работаю в штабе, могу тебе приносить всякие запретные документы". Но поскольку я сам служил, сам общался с этим секретчиком, знаю, что там в основном всё это туфта. Что шапку надо носить /не на два пальца, а на три пальца ?/. Это идёт под номером один ноль, два нуля, три нуля, то есть под грифом секретность. Количество нулей. Я говорю: "да не надо, зачем лишняя головная боль. Тебя прихватят, будут неприятности". Он всё-таки мне один раз принёс, принёс то, что я и предполагал. Я прочитал, тут же у него на глазах разорвал и выбросил. А тем не менее оказалось, что как только я выехал за границу, его тут же арестовали за то, что он мне дал секретные документы, а я их якобы увёз за границу. На таможне у меня обыскивали всё, что можно было отыскать, но, естественно, ничего не нашли. Ну, и преизжаю, тут статья о том, что я развращаю молодёжь, неокрепшие души и новое, то, чего никогда не было о том, что я покаянные речи на суде произносил, чего никогда не было. Я тут же дёргаю юриста, такой Слава Воробьёв есть, тоже в этих структурах как-то участвовал, говорю, что хочу возбудить дело против газеты. На основании чего посмотрели, говорят, что к сожалению, не придраться. Здесь нет ни оскорбления, ничего нет. Мало ли, ошибка вышла. А сейчас поднимут в суде архивы, а там не окажется этой страницы, допустим. В общем, на этом всё и кончилось. Единственное, что я смог сделать, это я смог выступить в Мониторе. Обменялись с ними ударами, мой всё-таки последний удар был. И вот уже второй год,

пока что ничего не слышно. На этом закончено показ

- Ваша группа в каком году организовалась?

В.П. - В 1987, осенью. Освободились в ~~феврале~~, а в ноябре мы её создали.

- Ленинградскую, да?

В.П. - Да.

- С кем вы её создали?

В.П. - Рыбаков, Евдокимов и Сажин. Но Сажин сейчас в Англии преподаёт, все остальные здесь.

- А организация, за которую Вас арестовали, в каком году организовалась?

В.П. - Начало этой организации было создано в 1983 году осенью, а в 1984 меня арестовали уже, в мае месяце.

- Арестовали всех?

В.П. - Всех, кроме Косолапкова, его не арестовывали. У него только подпись о невыезде была, что ли.

со

- Где Вас ~~одержали~~ ?

В.П. - Следственный изолятор КГБ. Рядышком где-то там камера Ленина на том же этаже. Куда зэков за особо примерное поведение водили, показывали: здесь сидел Ленин.

- Долго Вас под следствием держали?

В.П. Да. До октября месяца. Полгода. Это не так много, по этим меркам это немного.

- Вы предполагали, что вас заметут?

В.П. - В тот день, когда меня взяли, я попрощался даже со всеми с утра, чувствовал уже, что всё.

- А почему Вы чувствовали? За Вами следили?

В.П. - На улице следили. Но опять же, я не предполагал, что будут сразу арестовывать, я думал, что будут ~~ещё~~ собирать материалы.

Но утром у меня чувство какое-то было, я попрощался со всеми... И в финансовом институте с большим шумом брали.

- Почему в финансовом институте?

В.П. - Там встреча у меня была, там и брали.

- На суде вы все вместе проходили или все по отдельности?

В.П. - Все по отдельности.

- А статьи все одинаковые дали?

В.П. - Да. Левиаша только я не знаю, по какой статье судили. Суд был закрытый. Поли~~ектова~~^{ктова} по 70-й тоже судили, но его военный трибунал судил.

- Почему?

В.П. - Он служил в это время. Ему дали четыре и два, а мне шесть и четыре дали. Сейчас это смотрится уже так, из далёкой перспективы, но вообще, можно было бы, конечно, сделать и лучше конечно. Мой опыт сейчас на то время - как бы я хорошо сделал! А тогда - это не совсем, конечно, была игра в казаки-разбойники, но мы тогда сами не понимали, как всё это серьёзно. То ли на благородство рассчитывали противника, то ли что - там никаких правил на самом деле нет.

- А у Вас есть приговор?

В.П. - Где-то есть.

- Дома есть?

В.П. - Не знаю, может быть и дома. Я брал копию, а где она у меня - это искать надо.

- А что у Вас в приговоре значится?

В.П. - 70-я, 218-я, 226 о том, что с целью подрыва и ослабления советской власти в таком-то году собрал таких-то людей и с ними обсуждал то-то, то-то - методы свержения советской власти, что вот, связался с Левиашем и иже с ними, гексаген там, тратил, крупичка, конечно, но это же звучит! 4,3 грамма тратила, 5,6 гр. гек-

отравляющие вещества
сагена, какой-то отравляющий порошок, лакрематор, лакрема это от
слова слёзы, лакрематор - это слезоточивый газ, плюс баллон со сле-
зоточивым газом, явное намерение уничтожить советскую власть слезо-
точивым газом. Ну, и в таком духе, что изготавлял такие-то статьи
клеветнические, такие-то бумаги, которые начинаются словами ..

- А эти, как Вы их называете, программные документы, вы их распро-
страняли как-то?

В.П. - По университету. Я их печатал и отдавал Левиашу для того,
чтобы он их распространял.

- Для чего? Для привлечения новых людей? Или просто как агитация
против?

В.П. - Конечно, для привлечения новых людей. Агитация против, я
даже считал, что этого не нужно делать. Я предполагал, наверное
не совсем беспочвенно, что все люди, только свистни, все как-то
оппозиционно настроены. Другое дело, что сколько из тысячи согла-
сится свою голову подставлять - это другое дело. Потому что есть
там тусовка, я говорил, человек пятнадцать, пусть почитают они,
а потом встретимся и поговорим.

- А каким образом это происходило? Вот человек прочитает... там
что же контактный телефон был?

В.П. - Нет, нет, это он уже берёт на себя. Он их раздаёт и он от-
вечает за безопасность. Чтобы эти бумаги не попали куда не нужно.
Он дал этому человеку, он верит этому человеку. Если воспринял
что-то тот человек, значит, он к нему обращается, переговорит с
ним, а потом уже со мной встретится. Он это координировал.

- А специально листовок вы не делали?

В.П. - Нет, это для нас казалось слишком мелко. У нас были напо-
леоновский планы. Оружие - пробраться среди коммунистов, столкнуть
их лбами, насадить людей на всех уровнях, вот такие наши были за-
думки.

- А печатный орган был у организации?

В.П. - Нет, не было.

- И не планировалось?

В.П. - Ну, может быть в перспективе. На тот момент об этом речь не шла. Мы были не столько теоретиками, сколько практиками. На тот момент мы решили, что нам надо включиться в дело подрыва существующих структур.

- На что Вы ориентировались из литературы?

В.П. - Самиздат через меня проходил, всякие листовочки, книжечки.

- А подписи в листовках какие были?

В.П. - Как они только не подписывались! Монархисты, монархические организации, приносили мне листовки организации СОН, Союз Освобождения народа. Из запрещённой литературы я ещё тогда читал я же говорил, что мы не были связаны с диссидентским движением, мы были самородки, сами по себе. И естественно, мы слушали всё то, что говорили голоса. Всё, что передавалось, мы слушали. Предполагалось, да, списывать, записывать все произведения, которые передавались по голосам и потом их распространять. Такие тоже были способы.

- Вы делали это, да?

В.П. - Нет, мы не успели, мы только записали всё это на плёнку, переписали "Архипелаг Гулаг" две части переписали, а распечатать не успели.

- У вас машинистки не было?

В.П. - У нас не было средств на машинистку, приходилось мне всё самому, я научился печатать на машинке, сам для этого.

- А через кого к Вам самиздат поступал?

В.П. - Через случайных людей.

- Всё время через разных?

В.П. - Нет, не совсем через разных. Вот эта девочка нам несколько раз литературу поставляла, ещё был один человек, который потом быст-

ренько исчез.

- В тот момент вы же наверное уже общались с кем-то, например, со СМОТовскими какими-то людьми?

В.П.:

- Нет, что Вы! Каким образом мы могли на них выйти!

- Вы ведь обменивались листовками.

В.П. - Это примерно те же листовки, которые Вы находите утром в своём почтовом ящике. Кто их положил туда? Ищет КГБ, ищут пожарные, ищет милиция. И никто не может найти. Опять же, у нас немножко большевистские были методы, но всё же мы более нравственны, чем большевистский подход к накоплению средств. Мы предполагали отбирать их у фарцовщиков. Если у нас даже нет денег на печатную машинку. Ну, я её купил на свои средства, а где взять денег на что-то более серьёзное. А там на галёрке тусуются всякие спекулянты, вот мы будем у них отбирать.

- Пробовали?

В.П. - Нет, не пробовали, это только в планах было. Не знаю, что из этого могло получиться, что не получиться.

- А почему именно у них, почему не ограбить какое-нибудь учреждение?

В.П. - Нет, ну нельзя так.

- Вы их презирали?

В.П. - Приблизительно так. Что нормальные люди должны, если участвовать - если занимаетесь бизнесом, то помогите тем людям, которые пытаются разрушить те преграды, которые мешают вам. Кстати, была попытка. Но мы не отирали деньги, мы говорили, что нужны деньги для такого-то, такого-то дела. Сказали одному человеку, который зарабатывал очень хорошие деньги. И похоже, что у нас бы с ним получилось. Но в этот момент нас арестовали.

- То есть, вы искали спонсоров?

В.П. - Да. И я думаю, что в конце концов мы бы нашли их. Просто опыта не было того, который сейчас есть, а сейчас уже никому это

не нужно.

- Вы были на следствии, а потом Вас куда отправили?

В.П. - Пермская пересылка, я туда пришёл с такой огромной бородой и с волосами. Там меня через неделю где-то лично начальник тюрьмы побрил, подстриг. После этого меня отправили в 36-й лагерь.

- А Вы вместе с подельниками ехали, или по отдельности?

В.П. - Нет, по отдельности, да тогда было не принято сажать людей по одинаковым статьям в камеры.

- С кем Вы в тюрьме сидели, кто у Вас был сокамерник?

В.П. - Здесь в тюрьме был один контрабандист и один валютчик. А потом менялись, потом я сидел с главным инженером сантреста грудинского, коньячный завод.

- По бытовухе?

В.П. - Да, два или три миллиона там награбили. А другой - международный контрабандист, спекулянт, валютчик. Очень интересные люди, особенно Юра. Одно удовольствие было сидеть.

- А каких он взглядов придерживался? Не разделял Ваши?

В.П. - Нет, он говорил "вы болтуны". Он говорит: "я тоже борюсь с советской властью, но я подрываю её рублём". В чём-то он прав, конечно. Но не все могут подрывать рублём. Тем более тогда придётся друг дружку уже мочить, чтобы за жизненное пространство бороться.

- А что в лагере было интересного?

В.П. - Я там сразу познакомился со многими людьми, принято было чай сразу организовать, стол.

- Там были только политические, да?

В.П. - Да, наверное, можно так назвать. Там с войны многие сидели, те, кто так или иначе с немцами сотрудничали. Кто-то полицай. А я абсолютно уверен, что там больше половины было невиноватых. Просто на то время шла такая волна, что нужно было садить всех подряд за войну. Как раз тогда в семидесятые годы подписали дого-

вор с ФРГ в 1972 году и потом уже начались процессы над теми, кто были в плену, или кто участвовал в карательных акциях. Многие из них были тогда пятнадцатилетними пацанами. Приходят немцы, говорят: "либо мы тебя расстреляем, тебя и твою семью, либо ты возьмёшь карабин и будешь ходить по деревне как полицай". И вот, он ходил по деревне, никого не убивал, ничего. Часто сидели по второму сроку за одно и то же. А так очень много интересных людей всяких было.

- Кого Вы помните?

В.П. - Помню всех, всех абсолютно. Но я не могу всех перечислить. Их там много было. С кем я сидел из Питерских... Евдокимов, Мейлах. Миша очень специфический человек, о нём трудно рассказывать. Мишу надо просто видеть, рассказывать трудно. У нас с ним были хорошие отношения. В общем-то, в лагере нужно было поддерживать хорошие отношения, это необходимо просто.

- Как Вы думаете, если попросить его дать интервью, он может сделать это с удовольствием, или ему это может быть неприятно?

В.П. - Думаю, что может рассказать. Любопытные моменты у него тоже были конечно. Если он посчитает нужным, пусть сам расскажет. Кто там ещё питерцы? Волохонский Лёва, но он проходил как москвич. Поляков в Мордовии был, Пореш был в Чистополе, Солончук в Мордовии был, Коля Толстых в Мордовии был. Москва... что там Москва? Тимофеев Лев Михайлович, потом несколько человек по 64-й статье. Тоже любопытно очень было, за измену Родине, все как один шпионы, очень интересные, бывшие гэбэшники, разведчики, с ними интересно было разговаривать. Профессионалы, они оставались и на зоне профессионалами.

- Они там стучали?

В.П. - Нельзя говорить, что стучали стопроцентно. Ведь за руку же не поймал. Но профессионалы, они и на зоне были профессионалами. Есть моменты, когда видно, что это уже не простое любопытство, вообще, на зоне не принято быть любопытным, есть вещи, о которых во-

вор с ФРГ в 1972 году и потом уже начались процессы над теми, кто были в плену, или кто участвовал в карательных акциях. Многие из них были тогда пятнадцатилетними пацанами. Приходят немцы, говорят: "либо мы тебя расстреляем, тебя и твою семью, либо ты возьмёшь карабин и будешь ходить по деревне как полицай". И вот, он ходил по деревне, никого не убивал, ничего. Часто сидели по второму сроку за одно и то же. А так очень много интересных людей всяких было.

- Кого Вы помните?

В.П. - Помню всех, всех абсолютно. Но я не могу всех перечислить. Их там много было. С кем я сидел из Питерских... Евдокимов, Мейлах. Миша очень специфический человек, о нём трудно рассказывать. Мишу надо просто видеть, рассказывать трудно. У нас с ним были хорошие отношения. В общем-то, в лагере нужно было поддерживать хорошие отношения, это необходимо просто.

- Как Вы думаете, если попросить его дать интервью, он может сделать это с удовольствием, или ему это может быть неприятно?

В.П. - Думаю, что может рассказать. Любопытные моменты у него тоже были конечно. Если он посчитает нужным, пусть сам расскажет. Кто там ещё питерцы? Волохонский Лёва, но он проходил как москвич. Поляков в Мордовии был, Пореш был в Чистополе, Солончук в Мордовии был, Коля Толстых в Мордовии был. Москва... что там Москва? Тимофеев Лев Михайлович, потом несколько человек по 64-й статье. Тоже любопытно очень было, за измену Родине, все как один шпионы, очень интересные, бывшие гэбэшники, разведчики, с ними интересно было разговаривать. Профессионалы, они оставались и на зоне профессионалами.

- Они там стучали?

В.П. - Нельзя говорить, что стучали стопроцентно. Ведь за руку же не поймал. Но профессионалы, они и на зоне были профессионалами. Есть моменты, когда видно, что это уже не простое любопытство, вообще, на зоне не принято быть любопытным, есть вещи, о которых во-

значит, либо голодовка, либо заявление в прокуратуру, либо забастовка. Уже за полгода до освобождения у нас была на 36-й забастовка. У нас одного человека посадили в карцер за то, что он не вышел на работу. У него температура 39, а они его гонят на работу. Мы начали протестовать, потом голодовку объявили. Нас начали разбивать, лагерь разбили на секторы, половину в ШИЗО пересажали, половину начали ломать. Ларька лишали, свидания лишали, угрожали добавлением срока. Это было лето 1986-го.

- У Вас конфликты были с начальством запоминающиеся? Чтобы Вы ято-
-то требовали?

В.П. - Ну вот, последний конфликт, когда я /Максиму/? сказал...
уже на четвёртый, на пятый день, там каждый день вызывают, начина-
ют угрожать, покупать фактически, чтобы мы ходили на работу, прек-
ращали голодовку. Очередной раз он на меня орать по-моему, начал.
Максин, это был наш опер зоновский главный. Он говорит: "мы Вам
гайки слишком развинтили, а теперь мы вам покажем, как нужно". Я
ему на это сказал, тоже, это было конечно немного истерично, что
если что-то подобное будет происходить, на зоне начнутся массовые
самоубийства. Он побледнел так, не стал больше разговаривать. Лад-
но, сказал, идите.

- А были случаи самоубийства там?

В.П. - Нет, у нас не было.

- А побеги какие-нибудь были?

В.П. - У нас тоже не было. Были ещё раньше, когда... У нас в 1985,
по-моему, году пришёл Иосиф Тереля, это легендарный человек, это
грузинский националист. Он в 1987 году... папа римский ему пожало-
вал радиостанцию. Католическую. Он борец действительно был. Он сра-
зу зону поставил на уши в буквальном смысле слова. Не знаю, как
это назвать, ну, суперхолерик. Огонь. Администрация уж я не знаю,
как себя чувствовали. Неуправляемый практически был. Есть люди, ко-

торые относительно управляемы, им безразлично, на них кричат, не кричат. Требуют что-то сделать, они делают, им всё равно. А этот бесполезно... этот просто вообще, он сразу начал скандалить, он активизировал всех. Там сразу какие-то бумаги начали писать в прокуратуру, какие-то заявления, протесты, голодовки.

- А что вы требовали?

В.П. - Что требовали? Там было достаточно чего требовать. То гнилой пищей кормили, то людей больных на работу выгоняли, то человек пуговицу не застегнул на фуфайке - свидания лишают. То письма конфискуют. Живёшь постоянно в состоянии стресса, поэтому также и реагируешь. Через некоторое время уже невзирая на лица уже делаешь то, что считаешь нужным.

- Вы могли читать? Там были библиотека?

В.П. - Да, библиотека была очень хорошая, собранная зэками ещё шестидесятых годов. Считалось правилом доброго тона оставлять все книги, когда ты уходишь на ссылку там, в библиотеке. Библиотека там была шикарная, можно сказать так. Подписка на газеты у нас любая была, то есть, не было ограничений как здесь.

- А какая реакция была в зоне на апрельский планум 1985 и последующие события?

В.П. - На апрельский планум, на Горбачёва особой реакции не было, многие предсказывали, что будет Горбачёв. Особенно старые деды, а молодёжь нет. Старики. Я помню, что у нас был один такой латыш, доктор наук, он был социал-демократ, состоял в шведской социал-демократической партии и его за это посадили. Он мне говорил: "помяни моё слово, через пять лет максимум зоны будут распущены и мы будем на воле". Прошло три года и нас освободили. Но тогда никто ему не поверил, хотя он всё доходчиво объяснил. Но мы настолько были уверены, что вся эта глыба ещё долго будет рушиться, что, естественно, никто ему не верил.

- Вы же были заинтересованы в смене всех этих правителей?

В.П. - Конечно, конечно, конечно! Но тем не менее исходили из того, что все они одним миром мазаны. Никакой веры не было в то, что это новый курс, перестройка, гласность, считали, что это всё косметика, косметика, которая нас непосредственно не коснётся. Потому что у нас режим стал ещё больше ужесточаться. Я сел при Черненко, потом Черненко сразу умер и Горбачёв... Вот непосредственно пленум какой-нибудь прошёл, и - ужесточение режима. Какое-нибудь заседание Верховного Суда и - ужесточение режима. Мы посчитали, что происходит действительно что-то непредсказуемое, когда появилась в "Литературке" статья Цветова, где он каялся и говорил, что он вынужден был писать ложь. Вот это была бомба, это действительно была бомба в "Литературке".

- А потом ведь появились публикации на "сталинские" темы, "Дети Арбата" в 1986 году были опубликованы. Как Вы на это реагировали? Вам не казалось, что Вас выпустят?

В.П. - Нет, нет, воспринималось немножко иначе, ведь сталинизм, это было тридцать лет назад, сорок лет назад. А нас за это садят. И многие даже имели такой прецедент, что следователи говорили, что Сталин негодяй, конечно, был, но ведь и вы здесь противозаконно сидите. Из-за этого вы и сидите. Могут отделить грань такую. Что Сталин, конечно, его будут осуждать, а вот мы, это уже другое поколение, это уже другой разговор.

- Но начали публиковать книги, за которые многих сажали.

В.П. - Ничего страшного. Ну да, писали люди о том, что вот, эта книга выходит в печать, а меня за неё посадили. И обычно приходил стандартный ответ: "Вы осуждены правильно". То есть, без объяснения, без ничего, просто стандартный ответ. Вплоть до того, что люди на конверте получали свою фамилию, а там бумага, где вообще по другой статье какой-то ответ. Практически, их никто не читал.

Пришёл запрос, написали на бланке ответ и отправили. А потом уже летом 1986-го заметили, что что-то начало происходить. Потому что комиссии начали из Москвы уезжать, кагебешники стали ходить, в основном прибалтов вызывать и говорить, что если напишите просьбу о помиловании, то вас выпустят. К новому году. Ездили, ездили, потом уехали.

- Многие написали просьбу о помиловании?

В.П. - Нет, насколько мне известно, никто не написал. А потом меня перевели к осени, поздней осенью в 35-ю, прямо из карцера. Я на голодовке был, потом отвезли сначала в больницу из-за голодовки.

- Голодовка была мокрая или сухая?

В.П. - У меня сначала была мокрая, а потом, когда я увидел, что она не даёт результатов, перешёл на сухую и с сухой меня на третий день увезли в больницу. А в больницу пришёл гэбешник и говорит, что ладно, Ваше дело почему Вы голодаете, там Вас спровоцировали, это неправда, то, что Вы там считаете. В общем, выходите из голодовки и поедете обратно на 36-ю. Это было одно из условий выхода из голодовки, чтобы меня на 36-ю обратно отправили. Потому что у 35-й репутация была очень нехорошая. Говорили "сучья зона". Считалось так, во всяком случае. 36-я, это была образцовая, то есть, там сидели все паровозы и всё /неразб./, а 35-я это такая... Ну, в общем, я вышел из голодовки, а на следующий день меня выбрасывают на 35-ю зону благополучно. Там я сидел уже до освобождения и когда всех уже выпустили, я остался последним. Мне сказал кагебешник, что ленинградское ГБ не даёт добро на моё освобождение. Ну всё, думаю, буду сидеть. А потом неожиданно совершенно меня выдёргивают, и завозят за зону, там, где комната свиданий, там уже Стёпа Хмара сидит.

- Кто?

В.П. - Степан Хмара, который на Украине на уши ставит всё. Который пистолет взял у милиционера и связал его, мы с ним там сидели

А потом уже под утро нас увезли в Чусовую, там ещё с 37-й пара человек, с 36-й пара человек. Я просто с 35-й последний уходил, а на тех ещё были люди.

- Что всех отпустили, что ли?

В.П. - Нет, там осталась 64-я. Вся.

- А по семидесятой Вы последний?

В.П. - По семидесятой да.

- А священнослужители были там в лагере?

В.П. - Конечно, я сидел там с Саринскасом из Литвы в 36-й, ксендз. На 35-й был Питкявичус, тоже это был подельник Саринскаса. Был ещё один такой, который выдавал себя за пастора какой-то подпольной церкви, но он был похоже... какой-то самозванец, авантюрист. Вот всё.

ИНТЕРВЬЮ с ПОГОРИЛЫМ ВАЛЕНТИНОМ ПЕТРОВИЧЕМ взяла Софья Чуйкина
17.II.1991

Санкт- Петербург

Расшифровка С.Чуйкиной